

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
КУБАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
"РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА"
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

В.Б. Виноградов

*Мои журналистские и общественные
университеты*

Москва-Армавир, 2006

МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
МЕЖДУНАРОДНАЯ АКАДЕМИЯ ИНФОРМАТИЗАЦИИ
КУБАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
"РУССКОГО ИСТОРИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА"
АРМАВИРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

Российские исследователи Кавказа.
Серия истории, археологии, этнографии. Вып. 25.

В.Б.Виноградов

Мои журналистские
и общественные
университеты

Москва-Армавир, 2006

9 (С16)
63.3 (2Р37)
В – 49

© Кубанское отделение «Русского исторического общества». – Москва-Армавир, 2006.

Выпуск тематически продолжает 2 предшествующих, посвященных основным граням профессионального портрета руководителя кавказоведческой Школы академика В.Б.Виноградова.

Авторский очерк адресуется всем, кто интересуется конкретным реальным опытом изучения и внедрения в широкое общественное сознание истории многонационального Северного Кавказа как органической части Российской Федерации.

На первой обложке: В.Б.Виноградов (в центре) среди журналистско-общественного актива газеты «Армавирский собеседник» (фото Г.Бунина. 1996 г.)

Издание оплачено автором.

ISBN 5-93750-154-3

*Посвящаю всем ветвям
семьи Виноградовых –
неиссякаемого источни-
ка моих вдохновения и
ответственности.*

Автор

В нынешнем году сподвижники и ученики разных поколений почтили меня 2-мя выпусками обзоров научно-педагогической деятельности¹, в известной мере подводящими итог предшествующей персональной историографии². С сердечной благодарностью восприняв их, я решил (теперь уже сам) поделиться некоторыми фактами в русле еще одного направления, пожизненно определяющего собственную судьбу как историка-кавказоведа. О чем и попробую рассказать...

ПЕРВЫЕ ШАГИ

С послевоенных начальных классов средней школы перед моими глазами стоял пример отца – Бориса Степановича Виноградова – одаренного вузовского филолога и плодовитого автора, публиковавшегося в прессе родного г. Грозного. Постоянно нарастал интерес и понимание этой деятельности как

завидной возможности поделиться с окружающими своими знаниями, впечатлениями, результатами раздумий.

После 3-го курса обучения на историческом факультете Московского государственного университета им. М.В.Ломоносова, в 1959 г. возникло острое желание попробовать себя на этом поприще. Летом, в ходе раскопок одного из замечательных археологических памятников горной Чечни под руководством тогдашнего аспиранта, а ныне почетнейшего кавказоведа В.И.Марковина, я предложил ему подготовить совместный очерк о результатах работы для районной газеты «Ленинец» в с. Советское. Лично отвез материал редактору, получив заверения в том, что он выйдет в свет в последнем из июльских номеров издания. С волнением ожидал первой публикации. Но мой соавтор обманул, попросив снять имя 21-летнего студента и представился единственным «творцом» интересного и объемного очерка.

Это обидело, расстроило меня. Однако отнюдь не отвратило от задуманного, и 17 сентября в молодежной республиканской газете «Комсомольское племя» появилась написанная вместе с грозненским студентом Якубом Вагаповым статья «История под землей». А спустя полтора месяца в многотиражке

«Московский университет» увидел свет мой репортаж «Конференция студентов-археологов», повествующий об опыте проведения Всесоюзных археологических студенческих конференций, в составе оргкомитета которых я самозабвенно трудился. Так произошло прямое соприкосновение с прессой, породившее дальнейшие опыты.

Правда, случилось так, что свойства моего живого характера и впечатления от «позднестуденческих» странствий привели к появлению фельетонов на газетных полосах «Кабардино-Балкарской правды» (г. Нальчик), «Литературной жизни» (г. Москва), «Львовской правды» (г. Львов). Пробы пера в этом жанре потешили самолюбие, получили горячее одобрение окружающих, включая любимую московскую профессию, но всего лишь на год отвлекли от главного, жизненно важного.

В середине 1961 г. началась моя работа по приобретенной специальности археолога в Чечено-Ингушском научно-исследовательском институте и в Северо-Кавказской археологической экспедиции АН СССР, возглавляемой выдающимся кавказоведом, одним из моих студенческих наставников Евгением Игнатьевичем Крупновым. И сразу же установились тесные и действенные контакты с редакциями гроз-

ненских газет «Грозненский рабочий», «Сердало» (Свет) на ингушском и «Ленинан некъ» (Ленинский путь) на чеченском языках. Регулярные статьи на историко-археологические темы, а также начавшиеся циклы радио и телепередач обозначили вполне осознанные намерения просветительно-культурного приобщения многонациональной северокавказской гражданской среды к соответствующей проблематике.

Летом, на раскопках в сел. Сержень-Юрт, я испытал немалое волнение: Е.И.Крупнов предложил мне написать рецензию на только что опубликованную им книжку «О чем рассказывают археологические памятники Чечено-Ингушской АССР». Большая честь! И ответственность... Причём следовало подготовить не панегирик, а деловой разбор с пожеланием для последующего переиздания этого небольшого, но проблемно значимого труда. Очень не хотелось не оправдать доверия! И пространная рецензия была (под названием «По тропам тысячелетий») помещена в «Грозненском рабочем» и в научном варианте включена в состав ближайшего по времени подготовки тематического сборника сектора истории ЧИ НИИ, который вскоре «породил» сектор археологии и этнографии, возглавленный мною.

Весной следующего года Е.И.Крупнову была присвоена Ленинская премия за фундаментальную монографию «Древняя история Северного Кавказа». И уже как бы естественно я выполнил заказы, поручения и просьбы не только всех 4-х главных газет родной республики, но и 3-х основных органов прессы Кабардино-Балкарской АССР: «Кабардино-Балкарская правда», «Коммунизме жол» («Путь коммунизма» на балкарском языке), «Советская молодежь», на страницах которых вышли мои объемные рецензии, статьи, очерки и репортажи по поводу этого замечательного события в советской археологии.

Так обозначился долговременный прорыв в сферу печатных средств массовой информации всех краев, автономных республик и областей Северного Кавказа, с удовольствием печатавших мои многочисленные материалы на русском и национальных языках. Не скрою, что последнее было необычным и похорошему льстило мне.

Тогда же в ходе лечебных поездок в западноукраинский курорт Трускавец в газетах городов Львова и Драгобыча («Радянське слово») мне предоставили возможность острой профессиональной критики экспозиции местных музеев, сильно грешивших чертами национализма и преклонения перед Польшей,

после чего музейные выставки подверглись принципиальной перестройке.

Одновременно я пытался организовать систему историко-культурной публицистики и пропаганды средствами радио (регулярные передачи под девизом «О памяти, о подвигах, о славе!») и телевидения («Люби и знай родной свой край»). Очень скоро она заработала в г. Грозном, привлекла внимание в Москве и Ленинграде.

Правда, сперва я мучился переживаниями: мои инициативы, старания, энтузиазм, вроде не находили ответной отдачи со стороны массовой аудитории. Успокоил отец: «Не сразу Москва строилась! Ты будь упорен в своих намерениях и трудах. Только тогда разбудишь стойкий интерес и сформируешь широкий круг слушателей и зрителей, которые начнут искать контактов с тобой, вашим сектором, прессой. К тому же ты ещё преподаешь в педагогическом институте, а значит участвуешь в подготовке учителей истории. Сможешь, сумеешь, не растеряешь их, будешь помогать в их работе – вот тебе и целый корпус будущих помощников...».

Всю жизнь я передаю смысл этого мудрого совета своим многочисленным ученикам, продолжающим накапливающиеся традиции. Позволю себе при-

вести современное свидетельство маститого ученого и педагога, профессора Сергея Ленидовича Дударева: «Поступление в Чечено-Ингушский пединститут было поворотным в моей жизни. Поступление на истфак было данью интереса, прежде всего, к археологии, которой я заболел в 8 классе и много читал. А, включая телевизор, я часто видел на экране молодого человека (казавшегося мне очень взрослым) с приятным голосом, который увлекательно рассказывал о захватывающих исследованиях, которые шли совсем рядом – на Алхан-Кале и во многих других местах республики. Фамилия человека была Виноградов. И можно себе представить мое волнение, когда он возник перед нами, студентами 1-го курса в аудитории. Это были самые упоительные встречи для нас «первачков». Лекции о ранних веках истории переплетались с потрясающими стихами, веселыми анекдотами и бьющим через край жизнелюбием Виталия Борисовича. Нечего и говорить, что я видел себя только рядом с ним. Но не так просто было найти свое место в его команде рядом с веселыми, контактными, острыми на язык ребятами уже имевшими за плечами экспедиционный опыт. Мне, домоседу по жизни, предстояло освоить «азы» походного быта, научиться находить общий язык с парнями, среди ко-

торых уже были отслужившие в армии, девушками, тоже имевшими свой норов. Понадобилось несколько лет упорного труда, чтобы стать среди них своим» (см. воспоминания: Библиография научных, научно- и учебно-методических работ доктора исторических наук, профессора С.Л.Дударева (К 55-летию со дня рождения). – Армавир. 2006, с. 26)...

Уже в середине 1960-х годов кроме Грозного я был активно востребован студиями радио и телевидения большинства северокавказских «столиц». Конечно, сыграл свою роль рост научно-педагогического статуса: я стал кандидатом исторических наук, вузовским доцентом, пришло ученое признание.

Далеко не все было безмятежным, многое давалось нелегко... Но не об этом речь, ибо жизнь – всегда испытание на прочность. Нужно однако видеть перспективу, быть достойным её.

В 1966 г. произошло создание Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), сразу же громко заявившего о себе и приступившего к осуществлению общественно значимых проектов в Москве и на местах. Неожиданно, но (не скрою!) приятно для меня оказалось дружное избрание на учредительной конференции Председа-

телем Президиума Чечено-Ингушского совета ВО-ОПИК. Люди поверили в продуктивность моих забот в этой области. А они достаточно четко обозначены, начиная с серии проблемных статей в «Грозненском рабочем» («Памятники материальной культуры и наша общественность», «Памятники культуры – наше достояние», «Гордость народа – богатство истории» и др.).

Сразу же началась энергичная работа по инвентаризации уже известных и выявлению новых объектов историко-культурного наследия всегда полиэтничного населения на территории Чечено-Ингушетии с древнейших времен до наших дней. Она подразумевала фронтальное изучение разнообразной литературы, богатых хранилищ центральных и провинциальных архивов и музеев, проведение экспедиционных изысканий, подготовку квалифицированных краеведческих и научных кадров, сплочение вокруг них по конкретным районам республики общественного актива.

Все без исключения грозненские разновидности средств массовой информации усилили свое внимание к освещению и популяризации соответствующей проблематики, которая обеспечивалась прежде всего планомерными стараниями квалифицированных ис-

ториков, филологов и других гуманитариев из пединститута, НИИ, городских музеев и пр., но также и многонациональным составом студентов-краеведов из числа тех, кто объединился в возглавляемом мною тематическом кружке и молодежной секции республиканского совета ВООПИК. Впервые стала формироваться группа лекторов-пропагандистов и просветителей, нацеленная на работу в сельской периферии с наиболее глубоким охватом аулов, станиц, селений и даже хуторов. К нашей радости очень быстро пошли заявки с мест, скрупулезно удовлетворявшиеся нами. Удалось пробудить всё возрастающую заинтересованность организаций, обеспечивавших «индустрию туризма», на что я незамедлительно откликнулся, в частности, газетными публикациями «Будьте настоящими помощниками науке и коммунистическому воспитанию (вниманию туристов)». Были предприняты и гласно освещались первые шаги сбора денежных средств от организаций и частных лиц для решения назревших задач сохранения и реставрации наиболее значимых памятников и памятных мест советского и предшествующих периодов в нашем крае.

Чечено-Ингушский совет ВООПИК был на хорошем счету Всероссийского Центрального Совета и

многие его инициативы приветствовались и поощрялись. Особенно – плодотворная работа со средствами массовой информации, которая неуклонно «набирала обороты».

В этом контексте и случилось событие, ставшее в моей судьбе знаковым. Весной 1967 г. Чечено-Ингушская организация Союза журналистов СССР в лице своего ответственного секретаря главного редактора газеты «Комсомольское племя». В.Литвиненко предложило мне попытаться вступить в члены авторитетного Союза. Я не обольщался: в то время подобный «ход» был привилегией только штатных работников газет, радио, телевидения, типографий. Я же был всего лишь активный общественник.

Но впечатляющий состав журналистских выступлений и их географический ареал давали вроде бы какой-то шанс. К тому же известно, что попытка – не пытка. Все необходимые документы, рекомендации, представления были оформлены. И в августе свершилось: в порядке исключения я стал членом Союза журналистов СССР в свои 29 лет. Тут же вспомнилось одно из раннеюношеских назиданий отца: «Если пришло признание, иной какой успех, первое дело – будь благодарен тем, кто оценил тебя,

а второе – восприми это как аванс, который надо подтверждать и «отрабатывать» всю жизнь...» Справедливая и мудрая мысль! Она стала для меня правилом... Вместе с тем, четко осознавал, что этот эпизод на фоне нарастающих сугубо научных достижений открывает новые горизонты применения своих способностей и устремлений...

НА ВАЖНОМ ВИРАЖЕ

Нисколько не откладывая, взялся за осуществление еще одного замысла – выхода с любимившейся тематикой на полосы районных и малотиражных, ведомственных газет. Единомышленников надо искать везде, где это возможно!

Драгоценная наша придумка – экспедиционная и кружковая стенгазета «Акинак» постепенно, но прочно, переместилась в пединститутскую газету «За педагогические кадры», где обреталась добрые четверть века. Отдельные её выпуски периодически публиковались в десятке других подобных изданий. Еще более регулярно протекало сотрудничество с основными органами других субъектов Северокавказского региона. Установились журналистские связи с центральными газетами «Советская Россия», «Учительская газета», «Социалистическая индуст-

рия», «Неделя». Мой пример вдохновлял учеников-аспирантов и соискателей ученых степеней, которые завелись у меня еще раньше, чем в начале 1973 г. состоялась успешная защита докторской диссертации в Московском университете имени М.В.Ломоносова.

Но самым важным и перспективным представляется мне истинный прорыв в сферу массовой районной прессы, весьма популярной у читателей, но редко удававшейся сотрудничеству республиканских и областных коллег. Мы решили не считаться с кланово-иерархическими предрассудками и предубеждениями. Ради избранного умом и сердцем дела – все средства хороши!

Первыми разместили наши историко-краеведческие статьи (с иллюстрациями) газеты горного чеченского (Ножай-Юртовского) и степного казачьего (Шелковского) районов. Дальше – больше. К осени 1970 года все 16 районных изданий Чечено-Ингушской АССР, а также соседних в Дагестане, Ставропольском крае, Северной Осетии были обеспечены интереснейшими тематическими ежеквартальными полосами, живо и содержательно рассказывающими о деятельности ВООПИК. С каждым разом возрастала в них доля участия сельских и районных городских учителей, деливших своим личным

опытом по охране, изучению и пропаганде памятников прошлого и настоящего. Во многих учреждениях среднего образования возникли краеведческие музеи, экспедиции, молодежные кружки. Параллельно читательская среда региона приобщалась к доступно написанным материалам по самому широкому спектру историко-литературных, изобразительно-музыкальных, фольклорно-языковедческих сюжетов. Один за другим стали выходить в свет высокопознавательные плакаты районных отделений ВООПИК; буклеты и листовки, знакомящие с достопримечательностями и лучшими представителями нашего актива.

Большой и добрый резонанс вызывали научно-популярные фильмы, снимавшиеся по нашим сценариям московским «Центрнаучфильмом» и местными телестудиями. Они расходились по огромной великой стране и приобщали к великолепию неповторимых материально-духовных комплексов (прежде всего в высокогорной зоне). Право, всего не опишешь! Но оно было!

Были и трудности. непонимания, предвзятость... Возникали ситуации почти анекдотические.

Однажды секретарь Обкома КПСС (я вступил в партию в 1963 г. и остаюсь верен её идеалам) по идеологии, выслушав в очередной раз отчет о со-

стоянии текущих дел по линии ВОПИК, строгим тоном обратился ко мне: «Ваше сотрудничество с прессой похвально. Но есть мнение, что Вам – общественному деятелю республиканского масштаба – следует ограничиться публикациями в основных органах г. Грозного, т.е. в столичных изданиях. А «районки» стоило бы оставить в покое...».

Сие указание озадачило меня, и я тут же возражил. Приведя необходимые аргументы, с улыбкой добавил: «Наш опыт в этом плане уникален на Северном Кавказе, а соседи-коллеги даже иронизируют, что мы – единственные глупцы, не жалеющие сил для «стрельбы по воробьям»...

Тут я и удостоился жестокого заявления: «Вы же делаете это не бескорыстно. При Ваших профессорских окладах даже и неловко так настойчиво охотиться за мизерными гонорарами районных газет, о чем нам кстати говоря, поступают сигналы, в том числе и в виде писем трудящихся...» Признаться, я опешил от такой интерпретации наших инициатив. И возмутился: с 1970 г., т.е. с момента начала нашего «марша» по страницам «районки» в редакции каждой из них лежали мои и других активистов доверенности неукоснительно перечислять всё заработанное нами на счет Чечено-Ингушского отделения «Фонда

защиты мира», что и подтверждалось, между прочим, ежегодными благодарственными письмами-грамотами его руководства, побуждая кое-кого следовать этому примеру. Инцидент был исчерпан...

Но потенциал хитромудрых «подсидок» возрастал, аккумулируя в себе недовольство завистников и более продвинутых недоброжелателей.

С начала 1970-х годов я стал остро ощущать давление со стороны части национальной интеллигенции и партийных функционеров высокого ранга.

Удивительно, но факт – именно став в 32 года одним из самых молодых в стране претендентов на соискание ученой степени доктора исторических наук, я оказался объектом весьма болезненных аппаратно-руководящих «игр». Стараниями некоторых демагогов и карьеристов были предприняты громкие попытки (вплоть до намерения организовать судебные расследования) оспорить мою профессиональную квалификацию и общественную деятельность, связанные с изучением, охраной и пропагандой памятников истории и культуры. Надолго было приостановлено издание первой для Чечено-Ингушского отделения ВООПИК специальной научно-популярной книги «О памяти, о подвигах, о славе!», обобщившей в себе немалый опыт тематически про-

блемной журналистики. Мне вменялись в вину намерения и шаги по противопоставлению пропаганды дореволюционного прошлого светлым реальностям советской эпохи, что, кому-то казалось, затрагивало напрямую вопросы текущей политики властных структур. Был наложен прямой запрет на публикацию моей докторской монографии, якобы «уводящей современников в лабиринты старины». Предприняты оскорбительные действия по лишению возможностей совмещения научно-исследовательской и педагогической работы, чем я особенно дорожил. Внутри республики со все возрастающим упорством «перекрывали кислород» журналистской активности (уже на всех мыслимых уровнях!).

Крайне негативную реакцию вызвали остро критические газетные статьи по поводу ряда «исторических открытий» некоторых молодых научных кадров, начавших заниматься опасным миротворчеством в области давнего прошлого чеченцев и ингушей, безмерно возвеличивших их и подогревая вредные амбиции. В связи с этим на страницах республиканских газет меня «перевели» на публикации под псевдонимом и т.п.

Наконец, кампания травли и дискредитации достигла апогея - подготовки моего персонального

дела для идеологического пленума Чечено-Ингушского обкома КПСС, а это было чревато самыми тяжелыми последствиями не только лично для меня и моего немалого семейства, но и для дела, которому я искренне служил.

Пришлось, отбросив все условности, опираясь на прямую и косвенную поддержку здоровых сил в Чечено-Ингушетии, на Северном Кавказе и в Москве, обращаться в ЦК КПСС с просьбой расследования творящегося произвола. До сих пор с содроганием вспоминаю все перипетии этой как будто бы и безнадежной борьбы с несправедливой, но корпоративной позицией местных партбюрократов и подогревавших их националистов. Но итог ее оказался обескураживающим для моих (мягко говоря) оппонентов. Справедливость была восстановлена! Хотя вплоть до 1975 г. продолжались всякие ущемления и дискриминации. Их минимизировали (как сейчас принято говорить) присвоение мне ученого звания профессора и первые неоспоримые свидетельства признания складывающейся под моим руководством кавказоведческой научно-педагогической Школы.

Впрочем, к этому времени я уже был заменен на месте председателя местного совета ВООПИК одним из высокопоставленных Совминовских чинов-

ников, а откровенные палки в колеса в административном росте на научно-педагогической службе едва не привели к перемене «среды обитания»: в г. Владимире мне настойчиво предлагали должность зав. кафедрой, просторную квартиру и полный карт-бланш на любые виды исследовательской и творческой деятельности.

Однако вполне сложившемуся к той поре историку-кавказоведу с прочным и перспективным окружением скоро развивающихся разнонациональных учеников навязываемый вариант оставления своей малой родины был «противопоказан»: следовало всем сердцем руководствоваться принципом – «Где родился, там и пригодился!» К тому же, по свидетельству многих, кого я ценил и кому доверял, я «умел держать удар» и «не сдавал» обретенных в науке и общественной практике позиций. Бросить дела на полпути было не по мне! Предстояло найти новое, более сильное, продолжение, которое, как оказалось, было уже рядом.

Дело в том, что с самого начала 1970-х годов в моей научной и просветительско-пропагандистской (включая журналистскую) деятельности все увереннее стали звучать самые разнообразные сюжеты русско-северокавказских историко-культурных связей и

взаимоотношений, охватывающих более тысячи лет (с IX-X вв. по XX в.). Начавшись с отдельных эпизодов в прошлом Чечено-Ингушетии и её народов, они неизбежно охватили весь регион, особенно в пору зажима на малой родине.

Это легко представить составом тематических публикаций в прессе (например, в газетах «Комсомолец Кубани», «Ставропольская правда», «Кавказская здравница», «Советская Адыгея», «Советская Абхазия», «Социалистическая Осетия», «Кабардино-Балкарская правда», «Дагестанская правда», не считая нескольких десятков республиканских и областных органов печати на национальных языках, а также городских и районных газет). Мои радио и телепередачи были обычны в Москве, Ленинграде, Тбилиси, Киеве, Ростове-на-Дону, Краснодаре, Пятигорске, Нальчике, Орджоникидзе, Махачкале. Так же повсеместно выходили в свет многочисленные научно-исследовательские статьи, встречая большой интерес и общественное применение их выводов относительно сути, характера, непреходящих ценностей и последствий многовековых контактов Руси, России с населением Кавказа, прежде всего Северного. Особой строкой следует упомянуть возрастающее внимание к истории и культуре разных групп казачьего,

т.е. восточнославянского, русского старожильческого контингента обитателей бассейнов рек Терека и Кубани.

Все это и многое другое продемонстрировано и осмыслено в достаточно многочисленной библиографической литературе, отразившей мой жизненный и творческий путь (см. примечания). Разумеется, что освещение всех иных сторон и граней конкретной истории Северного Кавказа (а в заметной части и Закавказья) не прекращалось и оставляло зримые следы.

Весомы были явные подтверждения общего успеха, неуклонного роста научного авторитета. Ограничусь тем, что упомяну цикл обобщающих проблемно-историографических статей и множества рецензий в академическом, заглавном журнале страны «История СССР»³. Вплоть до сего дня они считаются единственным в своем роде образцом систематизации результатов советских разработок в лоне кавказоведения как важнейшей отрасли отечественной исторической науки⁴. Важнейшим последствием этого этапа профессионального роста стало включение меня в состав авторского коллектива и редколлегии уникального итогового фундаментального труда «История народов Северного Кавказа», что, начиная

с 1977 г. привело в тесное и многообразное соприкосновение с высшим отрядом советских исследователей Кавказа⁵, весьма благосклонно принявшим меня в свои ряды.

Существенен был и еще один фактор: в 1970-е годы на региональном историческом поле, все усиливаясь, зазвучали голоса моих многонациональных учеников, каждый из которых в той или иной степени был причастен к изучению русско-кавказских взаимосвязей дореволюционного периода.

Все вместе это и подготовило условия для (на первый взгляд неожиданного, а на самом деле бережно взлелеянного!) прорыва к наиболее злободневной проблематике северокавказской истории, воплотившегося ранее всего в форме обширного документированного очерка «Вехи единства» на страницах газеты «Грозненский рабочий» (16 сентября 1978 г.).

Этому предшествовали важные обстоятельства.

ВО ИМЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ

В 1975 году произошла полная замена высшего партийного руководства Чечено-Ингушской АССР, что вселило в меня и многих других большие надеж-

ды. В полном составе обновился секретариат КПСС, во главе которого встал Александр Владимирович Власов, опытный и дальновидный партработник, нацеленный на дальнейшее всестороннее развитие автономной республики, прошедшей впечатляющий путь в течение 20 лет после своего восстановления.

К тому времени кроме бесчисленного абсолютного (в чем-то и относительного!) добра, присущего поступательному движению советской власти в центре и на местах, стали накапливаться и тревожащие проблемы, частью вполне ощутимые для меня – историка.

Так, в форсируемо разрастающемся научном «корпусе» Чечено-Ингушетии стали вызревать далекие от объективности и непредвзятости взгляды на историческое прошлое Северного Кавказа и в первую очередь чеченцев и ингушей (вайнахов). Оно постепенно наполнялось мифами о собственном исключительно выдающемся культурном и территориальном наследии, на которое якобы постоянно посягают соседи – «отсталые варвары», «агрессоры», «пришельцы» и т.д.

Факты и процессы многовековой давности немислимы вне совершенно конкретной и неповторимой исторической обстановки, неправомерно, но

упорно, распространялись на сегодняшний день как якобы изначально внутренне присущие для данных народов исключительные явления, феномены – в «своих» случаях с комплиментарным знаком, в других с негативным.

Не получив еще исчерпывающего осмысления, генеральная линия тысячелетнего становления и закрепления органических взаимоотношений между Кавказом и Россией стала подвергаться ревизии и произвольным трактовкам, так или иначе нацеленным на разжигание недоверия, конфликтов, фатальной вражды. Поднимали голову элементы этносепаратизма и опасных политических спекуляций, амбиций, претензий.

Сегодня это стало очевидным⁶, но треть века назад было темой скрытой, «непрозрачной», умалчиваемой, в чем-то даже запретной у записных идеологов.

Волею своих компетентности и судьбы, повседневно и тесно общаясь с самыми различными общественными слоями родной республики я рано и остро ощутил этот набирающий силу взрывоопасный потенциал. И как советский ученый и убежденный коммунист не счел возможным утаивать его.

Преодолев бюрократические и всевозможные иные препятствия, осенью 1977 года я был принят первым секретарем обкома КПСС и имел с ним долгую и содержательную беседу о текущем состоянии исторической науки и пропаганды в Чечено-Ингушской АССР. Выводы напрашивались неутешительные, диктовавшие необходимость немедленных инициатив и действий. Притом на первый план выходило назревавшее новое понимание самой сути русско-чечено-ингушских взаимоотношений, все упорнее огульно трактовавшихся с позиций безудержного «жестокое колониального завоевания», которое якобы, трансформируясь в особенностях разных эпох, определило надрывно трагическую и перманентную обреченную на немислимые тяжкие страдания, историческую данность кавказских народов. Очевидные же положительные последствия длительного пребывания в составе многонационального Российского государства всячески оспаривались, преуменьшались, искажались, игнорировались и т.п., что создавало заведомо негативные условия для воспитания современников, подвергавшихся к тому же все усиливающемуся воздействию империалистической пропаганды⁷.

В итоге длительной беседы сошлись на том, что необходимо немедленно приступить к разработке целевой комплексной научно-исследовательской и пропагандистской программы «Чечено-Ингушетия в системе русско-кавказских историко-культурных связей». Её реализация возлагалась прежде всего на интернациональный состав возглавляемого мною уже около 15 лет перспективного многопрофильного коллектива, включающего молодых ученых, преподавателей и сотрудников вузов, НИИ, музеев, учителей школ республики, журналистов, и все более тесно связанного с широкой научной общественностью в границах Северокавказского региона⁸.

Первой конкретной задачей было написание обобщающей историко-публицистической статьи о реальном характере многовековых, преимущественно мирных и дружелюбных русско-вайнахских (чечено-ингушских) взаимоотношений, определявших факт прочного включения местных народов в состав Российского государства.

К середине 1978 г. в результате напряженной работы такая статья была подготовлена мною совместно с первым моим дипломированным еще в 1970 г. национальным учеником, кандидатом исторических наук Сераждином Цуцаевичем Умаровым и 16 сен-

тября вышла в свет в газете «Грозненский рабочий» под названием «Вехи единства». Она вызвала колоссальный общесоюзный резонанс.

Это много потом, в связи с необузданным разгулом национализма и сепаратизма, разрушающих великую державу, бездоказательная оценка лукавых и бесчестных авторов («не изучавших этот вопрос специально») звучала так: «Особую роль (в отторжении концепции добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, - В.В.) сыграла напористость и безапелляционность шовинистически настроенного местного ученого В.Б.Виноградова – археолога, взявшегося при поддержке обкома партии за построение официальной версии истории Чечено-Ингушетии, когда среди самих чеченцев уже появились авторитетные исследователи и вышли серьезные научные труды»⁹.

На самом же деле все было совсем иначе.

Оставляю на совести либерально-западнического по мировоззрению автора – первого ельцинского министра по делам национальностей Российской Федерации, т.е. одного из разрушителей мира и дружбы между народами – оскорбительные эскапады о моих мнимых «шовинистических настроениях», о «советско-русском шовинизме»: они

откровенно подлы и лживы и легко опровергаются¹⁰. Неприлично голословна льстивая оценка состояния национальной составляющей республиканской исторической науки. Но главное – в другом!

Отнюдь не «симбиоз» отдельного ученого-«археолога» и обкома КПСС определили ситуацию назревавшего прорыва в изучении и осмыслении динамики русско-вайнахского партнерства и единства.

Статья «Вехи единства» повлекла за собой целую цепь весьма авторитетных и ответственных общесоюзных действий.

Уже спустя 2 недели, в Грозный прилетели директор столичного Института истории, советский историк и дипломат, академик АН СССР Алексей Леонтьевич Нарочницкий – ответственный редактор разворачиваемой 4-томной серии уникального коллективного труда «История народов Северного Кавказа» в сопровождении ученого секретаря, кандидата исторических наук Г.Н.Трапезникова. В ту пору я был привлечен к этой работе в качестве автора, руководителя одной из глав и члена редколлегии I тома зарубежного единственного в своем роде издания.

Но данный визит лишь косвенным образом был связан с ним. Целью его оказалась многочасовая весьма энергичная и жесткая беседа со мной и

С.Ц.Умаровым о проблемной, историографической и источниковой состоятельности идеи добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России, сформированной в нашей статье В завершение таковой последовало приглашение вскоре приехать в Москву, где было намечено специальное широкое обсуждение поставленной проблемы в среде специалистов – историков России и Кавказа в стенах академического института.

Именно на нем был определен состав ученых экспертов, в число которых вошли, в частности, такие корифеи кавказоведения и изучения русско-кавказских связей как доктора исторических наук, профессора В.К.Гарданов (Москва), М.М.Блиев (Орджоникидзе), В.Г.Гаджиев (Махачкала), Т.Д.Боцвадзе (Тбилиси) и другие. К оценке подключились и авторитетные научно-общественные силы Чечено-Ингушской АССР (М.О.Бузуртанов, Н.К.Байбулатов, Н.П.Гриценко, Л.Н.Колосов и многие др.). Не скрою, определилась и небольшая группа оппонентов, не принявших новую концепцию, возражавших ей (в том числе такие видные и глубоко уважаемые мною представители кавказоведения, как Е.Н.Кушева, Л.И.Лавров). Но их (часто легковесные) аргументы не удовлетворили членов высокой акаде-

мической комиссии. Они лишь позволили усилить доказательную базу впервые обосновываемой теории, настоятельно подчеркнув её актуальность.

Глубоко взвешенное коллегиальное решение было принято, что повлекло за собой выработку и функционирование разветвленной системы его апробации и внедрения в практику. Состоялось издание сперва брошюры, а потом монографии, тематических сборников, объемных аналитических статей в центральных и региональных органах научной печати.

Были организованы и проведены чрезвычайно представительные разноформатные конференции, в том числе, всесоюзного охвата, внутривидовые дискуссии и т.п. Конкретные сведения об этом результативном процессе легко найти в соответствующих справочных работах¹¹, которые умышлено стали замалчиваться впоследствии, подменяясь субъективной и тенденциозной информацией, тиражируемой теми, кто со свистом и улюлюканьем отступил от достижений советской исторической науки, начал ее оголтелую и бездумную ревизию под видом перестройки. Но это произошло на рубеже 1980-1990-х гг., когда и случилось не просто отречение малодушных, но и злобное поношение всего того, что именовалось добровольным вхождением Че-

чено-Ингушетии в состав России и преподносилось уже без всякого моего личного участия¹².

Но разве можно ожидать элементарных честности и такта от людей, которых воспаленные амбиции и узкая корысть лишили не то что понимания разума истории, но и минимальной житейско-политической трезвости?!

Между тем, научная разработка и самая серьезная апробация положительной концепции русско-чечено-ингушских взаимоотношений сопровождалась дальнейшей активизацией лекционной и публицистической пропаганды полученных результатов, которая охватила необычайно массовую аудиторию буквально повсеместно в Чечено-Ингушской АССР. Она была обеспечена преимущественно археолого-кавказоведческим коллективом исторического факультета Чечено-Ингушского госуниверситета имени Л.Н.Толстого, квалифицированными кадрами регионального «Кавказоведческого семинара», составом актива вскоре созданной межвузовской кафедры «Истории народов Северного Кавказа», а также все нарастающей деятельностью республиканской организации общества «Знание» РСФСР, которую я возглавил в 1979 г. на добрые 10 лет¹³.

Зримыми последствиями этого направления работы стали, в частности, тематические сборники, публикации, концентрирующие в себе многочисленные и доступно написанные материалы, подготовленные научным, преподавательским и журналистским корпусом городов и сельских районов Чечено-Ингушской АССР, пользующиеся большой и повсеместной популярностью¹⁴.

И нет ничего удивительного в том, что в октябре 1982 г. в Чечено-Ингушской АССР, как и во всей советской стране, празднично и с размахом отмечалась юбилейная дата 200-летия добровольного вхождения вайнахов в состав России, совмещенная с 60-летием советской автономии Чечено-Ингушетии. В достойных торжествах по этому поводу была заслуга и нашего коллектива.

Для меня лично 1980-е годы знаменательны присвоением высокого звания заслуженного деятеля науки Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, рядом наград и поощрений со стороны общества «Знание» и Союза журналистов СССР, учреждением единственной в стране межвузовской кафедры «Истории народов Северного Кавказа», избранием меня в состав Пленума Чечено-Ингушского Обкома КПСС, мощным наращиванием

разносторонней деятельности «Кавказоведческого семинара», неуклонно пополнявшегося специалистами зрелой компетенции. Все это совмещалось с заметным общим потеплением во взаимоотношениях народов внутри республики, важными положительными сдвигами в общественном сознании, которые подтверждались многими выразительными примерами на повседневном уровне. Проводя лично повседневную массовую пропагандистскую работу, я готов многими примерами подтвердить и проиллюстрировать сказанное.

Однако стали проявляться и негативные факторы, связанные более всего со слоями части местной интеллигенции – амбициозными, завистливыми, претенциозными, вечно недовольными, падкими на антисоветские «голоса», искушающие «империю зла – СССР», порождающие и провоцирующие общественный кризис. Все отрицательные тенденции резко и воинственно обострились после середины 1980-х годов в связи с враждебной советской власти и социализму «перестройкой», возглавленной партийными оборотнями под водительством изменника и лгуна М.С.Горбачева.

В мою задачу не входит описывать то, как динамично развивающаяся Чечено-Ингушская АССР

была ввергнута в системный кризис, принявший в контексте общего развала СССР и властного переворота в России беспрецедентный кровавый и погибельный характер. Это общеизвестно!

Не стану излагать и весь ход нашего стойкого сопротивления надвигающемуся сепаратистскому беспределу, тяжелой трагедии прежде всего для самого чеченского народа. Ограничусь лишь немногим.

Даже не весьма уважаемый, двоедушный, на мой взгляд, «обществовед» В.А.Тишков вынужден был признать: «Поскольку любой национализм основывается на комплиментарной версии национальной истории, то он не терпим к каким-либо иным интерпретациям прошлого». Отсюда съезд «Общенационального конгресса чеченского народа», вынесший на гребень разрушительной истории Джохара Дудаева и его окружение, осенью 1991 г. «постановил лишить всех наград и званий, а также гражданства республики местного историка В.Б.Виноградова, труды которого не вписывались в общеразделяемую версию об исключительной древности и автохтонности чеченского народа. Более того, съезд постановил «вынести общенациональное порицание всем представителям чеченского народа, принимавшим участие в

пропаганде псевдонаучных концепций В.Б.Виноградова»¹⁵.

Этот произвол сопровождался всеми мыслимыми способами морального, производственного и физического давления и даже насилия, которым подвергались я и моя семья, родные и близкие русской части нашего коллектива и национальные мои ученики, сподвижники, единомышленники.

К чести большинства, мы противостояли, как только могли и умели подлому натиску. Но с незаконным провозглашением «суверенной Республики Ичкерия» и «избранием» ее президентом генерала Дудаева (при полном потворстве кремлевской власти) никаких перспектив дальнейшего пребывания и работы на своей малой родине не просматривалось. Чтобы не погибнуть, оставалось одно – покинуть г. Грозный и охваченную жестоким сумасшедшим Чечню. Трудно, мучительно давалось это решение. Но пришлось его реализовывать...¹⁶.

И вновь обращусь к воспоминаниям нынешнего профессора, академика, С.Л.Дударева. В связи с концепцией добровольного вхождения чеченцев в состав России он пишет: «Сколько же копий сломано вокруг нее! Здесь нет места обсуждать этот вопрос, но, по моему убеждению, это была необходимая попытка

воззвать ко всему позитивному, что было между Россией, чеченцами и ингушами в историческом прошлом, и поставить имевшийся положительный опыт во главу угла. Разумеется, концепция, должна была вписываться в рамки тогдашней отечественной исторической науки, направляемой сверху (без этого в советский период было невозможно претворить в жизнь никакие разработки). Никто тогда до конца все же не мог понять, что это научное творчество и его организационно-политическое воплощение происходили, образно говоря, на склонах дремлющего вулкана. Неумное желание некоторых академических ученых возложить на концепцию добровольного вхождения вину за известные события в Чечне имеют своей целью увести в сторону от освещения различных сторон чеченского конфликта от поиска истинных причин и главных виновников происшедшего»...

Нечистоплотная и опасная эта возня продолжается и сейчас...

СТРАНИЦЫ КУБАНСКОЙ ХРОНИКИ

Финал осени 1991 г. привел меня к появлению в г. Армавире Краснодарского края, где на протяжении ближайшего полугода и поселились моя семья и

семьи 7-ми близких друг к другу грозненских последователей. Всех нас принял на работу и первоначально обустроил в общежитиях Армавирский государственный педагогический институт, только что сформировавший свой исторический факультет. Перемещались мы через г.Кизляр на севере Дагестана, что повлекло за собой массовое журналистское «использование» тамошней прессы, в итоге чего вскоре собралась книга, состоящая из газетных публикаций «Уголок России, отчий дом...» (Очерки об истории Тарумовских степей и Кизлярщины)¹⁷. Крепкие связи не прерывались и в дальнейшем.

В самом же Армавире, на Кубани, пришлось все начинать сначала, практически «с нуля», используя, притом, уже наработанные, подтвердившие свою состоятельность, технологии. Постоянство мировоззрения, реальность накопленного опыта и прочных традиций, неукротимое стремление к дальнейшему развитию уникального жизненного, профессионально-воспитательного, производственного проекта дало свои результаты.

Уже в 1993 г. я возглавил вновь созданную кафедру всеобщей истории АГПИ и тогда же был избран действительным членом Международной Академии истории и политологии и Международной

Академии информатизации. Спустя три года мне было присвоено почетное звание «заслуженного деятеля науки Кубани», а в 1998 г. под моим руководством была учреждена единственная в крае кафедра регионоведения и специальных исторических дисциплин – естественный научно-педагогический центр нашей Кавказоведческой Школы, получившей высокое признание на Северном Кавказе. К этому времени коллектив включал в себя 15 дипломированных ученых и вузовских преподавателей в области археологии, этнографии, отечественной истории, наладил огромную, многообразную и эффективную общественно-просветительскую деятельность¹⁸, не ослабляемую до сего дня.

В более, чем тысячном списке моих газетных статей есть без малого годичный перерыв (с октября 1991 по август 1992 г.). Это время нашей передислокации и первичного обустройства на новом месте. А затем – плотный перечень публикаций в прессе Средней Кубани – «Армавирском собеседнике», «Свете маяков» (г.Новокубанск), «Рассвете» (с.Успенское), «Курганинских известиях», а также северодагестанских газетах «Кизлярская правда» и «Рассвет» Тарумовского района. И это не просто

продолжение и развитие уже прочно сложившихся традиций!

Кроме привычной повсеместной рубрики «Люби и знай родной свой край» на повестку дня встали новые перспективные инициативы. В самом кратком виде сложившаяся схема выглядит так.

Удивительно зрелая, интересная, расположенная тогда к активному сотрудничеству городская газета «Армавирский собеседник» гостеприимно открыла свои полосы для целой серии тематических публикаций, таких как «Точка на карте – строчка в истории», «Земляки и соседи», «Дороги, которые мы выбираем», «Страницы былого», «К 200-летию А.С.Пушкина: поэт и Кубань» и т.д. На базе этих богатых материалов к кубанским читателям пришло несколько моих книг, весьма востребованных региональными наукой, образованием, просвещением и вызвавших одобрительный резонанс¹⁹. Не менее важно, что в этих повседневных журналистских контактах выросла многочисленная плеяда уже местных учеников, влившихся в коренной состав нашей кавказоведческой Школы.

Бесценный опыт подобного сугубо локального сотрудничества в самое ближайшее время был распространен на преобладающее число районных газет

Краснодарского края (от Отрадненского до Темрюкского), но кроме того и на «столичные» краснодарские органы прессы, в том числе «Вольная Кубань», «Комсомолец Кубани», «Кубань сегодня», «Кубанские новости», «Казачьи вести», а также и газеты Карачаево-Черкесской Республики («День республики», «Ленин йолы» - на карачаевском яз., «Ногай давысы» - на ногайском языке), Республики Адыгея («Советская Адыгея» и др.), не говоря о прессе Ставропольского края, Пятигорья, Кабардино-Балкарии, Дагестана.

Рядом с этим стоит упомянуть и несколько ослабевшее, но вполне реальное участие в радио- и телепрограммах субъектов Южного Федерального округа России. Вся эта деятельность в минувшие годы не раз поощрялась благодарностями, грамотами от региональных органов СМИ и Союза журналистов России, в том числе и присвоением почетного звания «Золотое перо Кубани».

И еще об одном – особо.

Напомню, что с экспедиционного лета 1968 г. (сперва от раскопок до раскопок, а потом все чаще и регулярнее) моими многочисленными питомцами стала выпускаться пространный стенгазета, получившая название «Акинак» (в честь разновидности

стальных мечей раннежелезного века). Эпиграфом к ней послужили строки кабардинского поэта Алима Кешокова:

Как лезвие меча, история длинна,
Но память коротка ее, как рукоять.
Послужит лишь тому оружием она
Кто сможет рукоять в своей руке зажать.

Любовно собирая и оформляя наши «Акинаки», мы даже не предполагали, во что это выльется в дальнейшем! Несколько лет они выпускались на полосах коричневой оберточной бумаги или «миллиметровки», согревая души студентов и рождающихся молодых специалистов. А в 1974 г., с введением в Чечено-Ингушском госуниверситете учебной полевой археологической практики для будущих историков они «переместились» на полосы университетской многотиражки «За кадры»: в начале робкими тематическими «врезками», затем страницами, а далее – объемными, богато иллюстрированными «разворотами». В них освещались все грани деятельности нашего складывающегося коллектива единомышленников, где все – от студентов до нарастающего «корпуса» кандидатов наук, доцентов – пробовали и ставили свое перо, научались писать умно и доходчиво. С ис-

тинным рвением я руководил этим «филиалом Школы»!

До конца 1980-х годов вышли 16 многотиражных и около полусотни стенных выпусков «Акинака», которые (кроме всего прочего) «вербовали» новых абитуриентов, становившихся вскоре их авторами. Наша газета не раз «бывала в гостях» у республиканского «Комсомольского племени», краевого «Комсомольца Кубани», столичного «Вестника Московского университета» и т.п.

С переездом в Армавир, мы успели (до временного закрытия многотиражки «Педагогический вестник») воспользоваться этим вузовским органом. А в 1999 году с «подачи» доцента Е.И.Нарожного, пребыванию которого в коллективе исполнилось ровно 20 лет, было решено начать издание собственной оригинальной газеты «Акинак», первый номер которой тиражом 999 экземпляров вышел в сентябре как «Газета научно-педагогической кавказоведческой Школы академика В.Б.Виноградова».

С разной периодичностью (она издается в складчину) эта удивительная, единственная в своем роде на всю Россию (что и подчеркнул выдающийся отечественный археолог и историк академик РАН В.Л.Янин) газета продолжает жить до сего дня. И по-

следний её номер (к началу нового учебного года) отражает юбилейную тематику в связи с 55-летием профессора академика МАИ С.Л.Дударева и 75-летием медика и историка, моего старшего брата, П.Б.Виноградова – весьма заметных величин в кавказоведении, лелеемом нашей Школой, а также и первые яркие впечатления о сезоне археологических раскопок 2006 года.

Долгой жизни тебе, «Акинак»! Ты – драгоценное наше детище!..

Не могу не упомянуть и о личном сотрудничестве с оппозиционными нынешней власти в России галстами левой (коммунистической, патристически-православной) ориентации (таких как «Возрождение», «За советский Армавир», «Воскресение», «Ровесники» и многие другие) в ряде городов и регионов нашей ныне растерзанной страны. Как и о том, что пожизненная журналистская деятельность, обрамляющая судьбообразующий научно-педагогический путь, сыграла свою роль в награждении меня почетными всероссийскими медалями «За личный вклад в отечественную многонациональную культуру и укрепление российской государственности» (2004 г.) и «За мир и гуманизм на Кавказе» (2006 г.), которыми я дорожу не меньше, чем официальными медалями

времени Союза ССР. Горжусь и тем, что этой формой общественного поощрения удостоились и лучшие из моих учеников и соратников по кавказоведческой Школе. Уверен, что эти регалии для них не последние, ибо воистину – по труду и честь!...

Завершая неровные и неполные строки воспоминаний, охвативших меня в завершающееся необычайно жаркое лето, подошедшее вплотную к началу очередного учебного года, с сердечной теплотой хочу назвать поименно тех, кто длительно и деятельно сопутствовал мне из числа многих сотен людей, составлявших костяк того главного в жизни проекта, который я продолжаю (в меру возраста, сил и здоровья) и сейчас. Каждый из них – невосполнимая частица прожитого, осознанного, прочувствованного.

Вот они по хронологии единственного земного бытия: *Сергаздин Цуцаевич Умаров, Владимир Александрович Петренко, Сергей Леонидович Дударев, Тамара Сайтудиновна Магомедова, Владимир Дмитриевич Байбик, Хамид Магомедович Мамаев, Резеда Абдулмуслимовна Даутова (Мамаева), Наталья Николаевна Бараниченко (Великая), Яков Борисович Березин, Людмила Музакировна Хакулова, Джабраил Юрьевич Чахкиев, Башир Мухарбекович Хашегульгов, Татьяна Николаевна Власова (Нераденко), Сер-*

гей Николаевич Савенко, Берлант Борз-Алиевна Абдулвахабовна, Светлана Александровна Голованова, Вячеслав Юрьевич Ростунов, Кемси Зелимхановна Ерзункаева (Махмудова), Аида Хож-Ахмедовна Яндарова, Сергей Валерьевич Телепень, Евгений Иванович Нарожный, Фарида Бориевна Рахимкулова (Нарожная), Юрий Юрьевич Клычников, Рамзан Хусичович Керейтоз, Марина Федоровна Куракеова (Титоренко), Георгий Осипович Аствацатуров, Сергей Николаевич Ктиторов, Людмила Николаевна Чернова (Хлудова), Юрий Владимирович Приймак, Алексей Леонидович Пелих, Севиндж Исрафил-Гызы Алиева, Заида Зелимхановна Зинеева, Светлана Давлетбиевна Кайтмесова (Шаова), Ольга Васильевна Шалёная (Ктиторова), Константин Викторович Скиба, Павел Вадимович Соков, Анастасия Александровна Кулинич (Цыбулькинова), Владимир Александрович Матвеев, Зарема Борисовна Кипкеева...

А еще - сельские учителя Заурбек Анарбекозич Сагаипов, Мусса Асланбекович Точиев, Николай Михайлович Еремин, Хасан Вахитович Алатаев, Бухади Ахмадович Ахмадов, Ольга Павловна Ларина и многие-многие другие...

Отдельно назову красnodарца *Александра Михайловича Ждановского* – нашего доброго гения при переезде в Армавир...

Простите великодушно те, кто остался за рамками этого перечисления, но отнюдь не вне той благодарной памяти, которая водила моей рукой! Спасибо!

Примечания:

1. См.: Историк-кавказовед Виталий Борисович Виноградов (штрихи к профессиональному портрету). Составители: студенты АГПУ Т.С.Вихренко, А.Н.Довгань, И.А.Дьяков, А.С.Шевченко под патронажем профессоров С.Л.Дударева, Ю.Ю.Клычникова, доцентов С.Н.Ктиторова, С.Д.Шаовой. Под ред. академика РАН В.Л.Янина. – Москва-Армавир, 2006; Кавказовед В.Б.Виноградов в изучении зарубежной истории. Составители: канд. ист. наук Л.Н.Хлудова, студенты АГПУ Т.С.Вихренко и И.А.Дьяков. Под ред. академика МАИ, профессора С.Л.Дударева. – Москва-Армавир. 2006.
2. См., например: Виталий Борисович Виноградов. Библиография научных трудов (в помощь изучающим историю Чечено-Ингушетии). Сост. С.Л.Дударев, Т.С.Магомадова, Б.М.Хашегульгов. – Грозный . 1998; Виталий Борисович Виноградов. Библиографические сведения. Сост. С.Л.Дударев, Е.И.Нарожный, Ю.В.Приймак. – Армавир. 1998; Виноградов П.Б. «Два чувства дивно близки нам...» (Материалы к истории семьи Виноградовых из города Козлова Тамбовской гу-

- бернии). – Тверь. 2001; Персоналия. Виталий Борисович, Виноградов (1938 г.р.) Сост. Н.Н.Великая, С.Л.Дударев, Е.А.Нарожный. //Материалы и исследования по археологии Северного Кавказа. Вып. 1. – Армавир. 2003; Продолжение персоналии Виталия Борисовича Виноградова (1938 г.р.) ... (по состоянию на 13 октября 2005 г.) //Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. Сост. Н.Н.Великая, С.Л.Дударев, Е.И.Нарожный. – Москва-Армавир. 2006 (там и подробности).
3. Виноградов В.Б. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1971-1975 гг.) //История СССР. 1977. № 3, с. 158-166; он же. Россия и Северный Кавказ (обзор литературы за 1976-1985 гг.: итоги и перспективы изучения) //История СССР. 1987. № 3, с. 89-101. Конкретные, численно нарастающие публикации по этой части в академических журналах «История СССР», «Советская этнография», «Вопросы истории» и др., начиная с 1971-1972 гг., представлены: Виталий Борисович Виноградов. Библиография научных трудов (в помощь изучающим историю Чечено-Ингушетии). – Грозный. 1988, с. 13-15 и сл.).
  4. См., например: Матвеев В.А. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). – Ростов-на-Дону. 2006, с. 13-14.
  5. См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. – Москва. 1988; и следующий том.
  6. См., например: Дегоев В.В. О стратегии развития российского кавказоведения //Политический класс. – Моск-

- ва. 2006. № 6 (и в других изданиях, в том числе, в прессе).
7. См. об этом, например: Археология и краеведение – вузу и школе (Вторая региональная научно-практическая конференция). – Грозный. 1985.
  8. Одним из первых опытов осмысления деятельности нашего сообщества оказалась публикация: Ибрагимов Х.И. Большой, полезный вклад в кавказоведческую работу //Археология и краеведение – вузу и школе. – Грозный. 1981, с. 8-11.
  9. См., например: Тишков В.А. Общество в вооруженном конфликте. Этнография чеченской войны. – М. 2001, с. 132.
  10. См.: Виноградов В.Б. Мое «народоведение» //Вопросы Северокавказской истории. Вып. 8. – Армавир. 2003, с. 50-69; он же. Российский Северный Кавказ: факты, события, люди. – Москва-Армавир. 2006, с. 127-146.
  11. См., например: Библиография основных работ по добровольному вхождению Чечено-Ингушетии в состав России. Сост. Б.Б.-А. Абдулвахабова, В.Б.Виноградов, Т.С.Магомадова, С.А.Голованова. – Грозный. 1978; История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII века. Под ред. академика АН СССР Г.Б.Пиотровского – Москва. 1988; История народов Северного Кавказа (конец XVIII в. – 1917 г.). – Москва. 1988; Историко-культурные истоки и прогрессивные последствия добровольного вхождения народов Северного Кавказа в состав России (вплоть до середины XIX в.) Сост. В.Б.Виноградов, К.З.Махмудова, Б.М.Хашегульгов. – Грозный. 1988; и мн. др.

12. См. интернациональный состав авторов соответствующей главы (XVI) «Истории народов Северного Кавказа» (с. 435-447).
13. См., например: Бекмурзаев С.А., Мухамедова Л.Ю., Рахимкулова Ф.Б. Из опыта лекционной и пропагандистской работы археолого-краеведческого кружка и «Кавказоведческого семинара» //Археология и краеведение – вузу и школе (вторая региональная научно-практическая конференция). – Грозный. 1985. с. 20-21; Ахмадов Б.А., Голованова С.А., Дударев С.Л. Историко-краеведческая и научно-исследовательская деятельность «Кавказоведческого семинара» в 1985-1989 гг. //Археология и краеведение – вузу и школе (третья региональная конференция). – Грозный. 1989, с. 10-13; Навсегда с Россией (О пропаганде истории добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России). – Грозный: «Знание», 1982; и мн. др.
14. См., например: Вехи единства. Сборник статей к 200-летию добровольного вхождения Чечено-Ингушетии в состав России. – Грозный. 1982; Приязни добрые плоды. – Грозный. 1987; Народной памяти следы (Краткие историко-культурные очерки о районах Чечено-Ингушской АССР). – Грозный. 1989; и др.
15. Тишков В.А. Указ. соч., с. 208.
16. В библиографии нашей кавказоведческой Школы представлен большой объем разножанровых публикаций, раскрывающих характер и обстоятельства этого горького исхода, сохранившего стойкое ядро коллектива, действовавшее корпоративно, тогда как основная масса нашего сообщества оказалась вынуждено расселиться в России «россыпью».

17. Виноградов В.Б. «Уголок России, отчий дом...» - Армавир-Кизляр. 1996.
18. Подробнее см.: Материалы заседания, посвященного 30-летию научно-творческой, педагогической и общественной деятельности Школы академика В.Б.Виноградова. Части I и II. – Армавир. 1994; Кавказоведческая Школа В.Б.Виноградова: становление, современность, перспективы. Основная часть. – Армавир. 2002; Дополнительная часть. – Армавир. 2002.
19. См.: Виноградов В.Б. Топонимия Средней Кубани. – Армавир. 1993; он же. Страницы истории Средней Кубани. – Армавир. 1993; он же. Средняя Кубань: земляки и соседи. – Армавир. 1995; Виноградов В.Б., Великая Н.Н., Нарожный Е.И. На Терских берегах. – Армавир. 1997; Кафедра регионоведения и специальных исторических дисциплин АГПИ. – Армавир. 1998; Виноградов В.Б. Пушкинская Кубань (историко-литературоведческие этюды). – Армавир. 1999; он же Россия и Северный Кавказ: история в зеркале художественной литературы. – Армавир. 2003; и др.

31 августа 2006 года

**СПИСОК ГАЗЕТ СССР И РОССИИ
ПУБЛИКОВАВШИХ СТАТЬИ
В.Б.ВИНОГРАДОВА**

1. Центральные:

1. Литературная жизнь.
2. Советская Россия.
3. Учительская газета.
4. Социалистическая индустрия.
5. Неделя.

2. Республиканские, краевые, областные:

6. Грозненский рабочий (г.Грозный).
7. Ленинан некъ (г. Грозный, на чеч. яз.).
8. Сердало (г. Грозный, на инг. яз).
9. Комсомольское племя (г.Грозный).
10. Социалистическая Осетия (г. Орджоникидзе).
11. Кабардино-Балкарская Правда (г. Нальчик).
12. Ленин гъуэгу (г. Нальчик, на кабард. яз.).
13. Коммунизмге жел (г. Нальчик, на балк. яз.).
14. Советская молодежь (г. Нальчик).
15. Львовская правда (г.Львов).
16. Комсомолец Кубани (г. Краснодар).
17. Ленинни байрагъы (г. Черкесск, на карач. яз.).
18. Дагестанская правда (г. Махачкала).
19. Ставропольская правда (г. Ставрополь).

20. Растдзинад (г.Орджоникидзе, Владикавказ, на осет яз.).
21. Сабчета Осети (г.Цхинвали, на осет яз.).
22. Советская Абхазия (г. Сухуми).
23. Неделя Чечено-Ингушетии (г. Грозный).
24. День Республики (г. Черкесск).
25. Вольная Кубань (г. Краснодар).
26. Кубанские новости (г. Краснодар).
27. Кубань сегодня (г. Краснодар).
28. Вести (г. Краснодар).
29. Тверские ведомости (г. Тверь).
30. Советская Адыгея (г. Майкоп).
31. Ленин йолы (г. Черкесск, на карач. яз.).
32. Ногай давысы (г. Черкесск, на ногайском яз.).
33. Тверская жизнь (г. Тверь).
34. Казачьи вести (г. Краснодар).

3. Городские, районные:

35. Степные вести (г. Кизляр).
36. Кавказская здравница (г. Пятигорск).
37. Радянське слово (г. Драгобыч, на укр. яз.).
38. Заветы Ильича (г. Грозный).
39. Путь Ленина (г. Назрань).
40. Красное знамя (г. Гудермес).
41. Ленинское знамя (г. Малгобек).
42. Ленинская правда (г. Моздок).
43. Строитель коммунизма (ст. Шелковская).
44. Ленинец (с. Советское).
45. Знамя труда (ст. Орджоникидзевская).

46. Ленинская правда (с. Урус-Мартан).
47. Терская правда (ст. Наурская).
48. Знамя ленинизма (с. Ачхой-Мартан).
49. Моздокская правда (г. Моздок).
50. Колхозная жизнь (с. Ведено).
51. Маяк коммунизма (с. Надтеречное).
52. Путь коммунизма (с. Ножай-Юрт).
53. Знамя коммунизма (с. Шали).
54. Кизлярская правда (г. Кизляр).
55. Степной маяк (с. Терекли-мектеб).
56. Рассвет (с. Тарумовка).
57. Рассвет (с. Успенское).
58. Свет маяков (г. Новокубанск).
59. Армавирский собеседник (г. Армавир).
60. Терская новь (ст. Шелковская).
61. Тамань (г. Темрюк).
62. Курганские известия (г. Курганинск).
63. Зори Кубани (г. Славянск-на-Кубани).
64. Возрождение (г. Армавир).
65. За советский Армавир (г. Армавир).
66. Ровесники (г. Губкин).
67. Зори (ст. Северская).
68. Армавирская газета (г. Армавир).
69. Прикубанские огни (ст. Тбилисская).
70. СКИТ (ст. Отрадная).
71. Воскресение (г. Мичуринск).
72. Казачий вестник (ст. Зеленчукская).
73. Линеец (г. Армавир).

4. Многотиражные:

74. Московский университет (г. Москва).
75. За педагогические кадры (г. Грозный).
76. За нефть (г. Грозный).
77. Педагогический вестник (г. Армавир).
78. Окно СФ АГПИ (г. Славянск-на-Кубани).
79. «Акинак» (г. Армавир).

Радио и передачи В.Б.Виноградова состоялись в городах:

Москва, Ленинград, Тбилиси, Киев, Грозный, Ростов-на-Дону, Краснодар, Пятигорск, Нальчик, Орджоникидзе, Махачкала, Тверь, Армавир, Славянск-на-Кубани.

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРВЫЕ ШАГИ.....	3
НА ВАЖНОМ ВИРАЖЕ.....	14
ВО ИМЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ.....	24
СТРАНИЦЫ КУБАНСКОЙ ХРОНИКИ.....	38
ПРИМЕЧАНИЯ:.....	48
ПРИЛОЖЕНИЕ.....	53

Подписано в печать 29.9.2006 г. Формат 60х84/32. Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. п. л. 1,75. Уч. изд. л. 1,875. Заказ 2753. Тираж 500. Открытое акционерное общество «Армавирское полиграфпредприятие». 352900, Россия, г. Армавир, ул. Комсомольская, 123.